

попрежнему магометанином, но тайно сочувствуя христианству и надеясь когда-нибудь возвратиться к христианству („всемогущая Троица да мя приобщит паки стаду своему“). Вот всё, что можно извлечь из послесловия для знакомства с автором записок и их сокращенного изложения. Поэтому, если исходить из текста послесловия, вопросы о национальности автора, о языке, на котором он писал, его дальнейшей судьбе остаются неразрешенными и переходят в область предположений. Хотя послесловие дает нам и имя автора — Нестор Искандер,¹ но и это не расширяет нашего знакомства с автором, так как об этом Несторе Искандере мы ничего не знаем, кроме того, что он сам сказал о себе в послесловии. Перед нами остается типичная русская историческая повесть XV—XVI веков, какого-либо иноязычного ее оригинала или прототипа нам до сих пор не известно. Это позволяет предположить, что повесть в том виде, в каком мы знаем ее по текстам, впервые появилась на русском языке,² а, следовательно, составителем ее был, скорее всего, русский книжник. Таким образом, конечный вывод из послесловия для представления о возникновении нашей повести таков: она составлена на основании записей современника и, быть может, участника событий, долгое время жившего среди турок и греков; его труд стал известен и популярен на Руси, вошел в русские исторические компиляции.

Но если мы подойдем ближе к повести как литературному произведению определенной эпохи, то возникает сомнение в возможности для Нестора Искандера, прожившего в столь далекой от русской литературы обстановке, создать такое типичное, требующее, помимо таланта, прежде всего литературных навыков, начитанности в русской книжности, произведение, как наша повесть в том ее виде, в каком она нам известна. Это несоответствие между сообщаемым в послесловии и самой повестью невольно ведет к выводу, что известная нам теперь повесть о взятии Царьграда турками написана не Нестором Искандером, а каким-то другим неизвестным писателем, притом не в чужих краях (например, в Константинополе), а на Руси. Но как же в таком случае смотреть на послесловие? Та бытовая обстановка, в которую, по его словам, поставлен был Нестор Искандер, является вполне возможной в XV веке: пленение (хотя бы татарами) русского молодого человека, затем продажа раба за границу (хотя бы из Крыма, куда он мог быть отведен) — явления довольно обычные для этого времени. Дальнейшая судьба Нестора также не представляет чего-либо исключительного: купленный (хотя бы за свою грамотность или знание какого-нибудь ремесла) турками, он мог занять какую-нибудь должность в турецком лагере (например, в какой-либо из канцелярий, где нужны были грамотные, более или менее интеллигентные люди, или в какой-либо мастерской), где за долгое время пребывания мог приобрести друзей и покровителей, что давало возможность уклоняться от непосредственного участия в военных действиях против христиан, позднее войти в сношения с оставшимися в живых по взятии города греками, занимавшими когда-то видные места и хорошо осведомленными о происходившем в городе во время осады, и т. д. Поэтому совершенно отвергать правдоподобность сообщений послесловия нет оснований. Остается под сомнением литературная деятельность Нестора Искандера. Он не обладал и не мог обладать теми литературными навыками и той начитанностью в русской

¹ Вероятно, первое имя — христианское, второе — магометанское.

² Югославянские тексты ведут свое происхождение от русских.